

Топонимические этимологии. XIV

1. Юрмала на Русском Севере

Уже из заглавия видно, что речь пойдет не о названии всем известного латышского города-курорта, а об одном из загадочных наименований субстратной топонимии Русского Севера. Однако без латышского названия *Юрмала* – *Jūrmala* – все же не обойтись. Поэтому напомним, что *Jūrmala* < латыш. *jūrmala* ‘морское побережье’, ‘взморье’ < *jūra* ‘море’ + *mala* ‘край’, ‘берег’.

На Русском Севере к настоящему времени Топонимической экспедицией Уральского университета выявлено шесть топонимов *Юрмала*. Перечислим их, кратко характеризуя соответствующие объекты.

1. *Юрмала* (*Юрмола*)¹, залив (у некоторых информантов озеро или речка), а также прилегающий к нему луг на Кехотском острове, примыкающем к левому берегу Сев. Двины выше города Новодвинска (Холм). Иногда – урочище *Смёрдя Юрмола*.

2. *Юрмала* (*Юрмола*), сенокосный луг² на Курострове на Сев. Двине близ города Холмогоры (Холм). Иногда луг именуют островом *Юрмала*, так как он отделен от основной части Курострова небольшой речкой. На лугу находится озеро *Юрмальское*. Здесь же особо выделяется сенокос *Бáтермала* (*Бáтербола*, *Бáтермола*, *Бáтермалы*) и озеро *Бáтермальское* (*Бáтермольское*), если только это не другое наименование озера Юрмальского. В источниках XV–XVII вв. упоминаются пожня «на *Батьюрмоли*»³ и поженка *Малая Батьюрмола*⁴. На отрывке старинного чертежа местности у реки Северная Двина помечены острова *Юрмолы*⁵.

3. *Юрмала* (*Юрмола*), ручей, протекающий по так называемому Сийскому лугу вдоль левого берега Сев. Двины и впадающий в реку Сия (Холм) ниже села Емецк. Луг иногда именуют *У Юрмалы*.

4. *Юрмала*, поле на левом берегу реки Онега выше деревни Заижье (Плес) близ границы с Онежским районом.

5. *Юрмала*, деревня на правом берегу реки Пукса выше села Подволочье (Плес) в 45 километрах на ВСВ от города Плесецк.

¹ В скобках приводятся более редкие вариантные формы.

² В статье используется терминология информантов и письменных источников.

³ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. С. 258, 262.

⁴ См.: Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. 2. Л., 1929. Стлб.22.

⁵ См.: Кусов В.С. Чертежи Земли Русской: Каталог-справочник. М., 1993. С.203.

6. *Юрмала* (*Юрмало*, *Юрмола*), большой луг близ села Благовещенское на правом берегу реки Вага выше впадения ее крупного притока реки Устья (Вель).

Все названия зафиксированы на территории Архангельской области: три – в Холмогорском районе, два – в Плесецком, одно – в Вельском⁶. Они, как правило, прилагаются к береговым объектам, чаще всего – к лугам. Колебание *а/о* в заударной позиции (*Юрмала* / *Юрмола*) для субстратной топонимии обычно. Это колебание отражено и в источниках, хотя для них более характерны формы с *о*, может быть передающие раннее соответствие приб. фин. *а* ~ рус. *о*. В тексте статьи сохраняется фонетическая форма источников.

Повторяемость топонимов и их соотнесенность с определенными объектами наводит на мысль, что перед нами географический термин в топонимическом употреблении. Это подтверждают и данные памятников, позволяющие уточнить значение термина, ср. «горние земли орамые и пожни и юрмольские земли орамые и пожни»⁷. Противопоставление «горных» и «юрмальных», а также «горных» и «бережных» земель, полей, пожен в источниках встречается многократно⁸, поэтому напрашивается вывод, что заимствованное слово *юрмала* соответствовало русскому *берег*, точнее, какой-то разновидности берега.

В свое время польский ученый Я. Розвадовский предположил, что среди субстратных топонимов Русского Севера есть названия балтийского происхождения. К их числу он, в частности, относил гидронимы *Юра*, *Юрас*, связывая их с литов. *jūra* 'море', а также *Юрмола*, объясняя этот топоним из латыш. *jūrmala* 'морской берег' и ссылаясь на противопоставление *юрмольской* и *горной* земли в письменных источниках⁹. М. Фасмер подверг это предположение резкой критике, указав, что *Юрмола* – случайное совпадение с балтийскими данными и вследствие своей изолированности ничего не доказывает¹⁰.

⁶ В Белозерском районе Вологодской области на берегу Сотозера находится пожня *Ерма-ла*, однако пока нет полной уверенности в том, что этот топоним связан с архангельскими названиями *Юрмала*.

⁷ Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 26.

⁸ См. особенно: Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. // Исследования по русскому языку. Т. 2, вып. 3. Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1903.

⁹ Rozwadowski J. Kilka uwag do przedhistorycznych stosunków Wschodniej Europy i praojczyzny indoeuropejskiej na podstawie nazw wód // Rocznik slawistyczny. VI. Kraków, 1913. S. 45–46.

¹⁰ Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern // SPAV, Phil.-hist. Klasse, XVIII. Berlin, 1934. S. 429.

Позднее были предприняты попытки объяснить этот топоним, привлекая данные финских языков и субстратной топонимии Русского Севера. Они несколько продвинули решение вопроса.

Указав на несостоятельность тезиса о балтийском происхождении топонима *Юрмола*, Я. Калима относил это слово к образованиям с суффиксом *-la* и считал производным от имени **Юрма (*Jurma)*, засвидетельствованного, по его мнению, в мезенском *Юромская волость*¹¹. Но в основе наименования волости лежит ойконим *Юрома*, а не **Юрма*, следовательно, эта реконструкция ошибочна. Однако предположение о том, что топонимы *Юра*, *Юрас*, *Юрола*, *Юрома*, *Юрандинская* образованы от одного и того же корня *юр*-¹², несомненно, представляет интерес. Вопрос о значении корня Калима не обсуждает.

А.И. Попов полагал, что термин *юрмола* обозначал какой-то вид земельного угодья и сравнивал это слово с эст. *juurima* 'корчевать', фин. *juuri* 'корень'¹³. Путь этот, как увидим, оказался плодотворным.

Автор статьи, как и некоторые его предшественники, ранее также выделял в названии *Юрмола* суффикс места *-la*, считая это слово производным от широко распространенной субстратной основы *юрм-* (*Юрманьга*, *Юрмус* и т.п.), значение которой пока не установлено¹⁴. Новые данные позволяют высказать иную точку зрения.

Прежде всего, существенны лексические факты, засвидетельствованные Топонимической экспедицией Уральского университета в Холмогорском районе Архангельской области, где было зафиксировано нарицательное *юрмала* в значениях 'сухая, песчаная земля', 'сухой луг', 'незаливной сенокос'. В сопоставлении с данными памятников о «горных» и «юрмальных» землях, а также географическими сведениями о песчаных берегах Сев. Двины эти лексические факты позволяют реконструировать для слова *юрмала* исходные значения 'прибрежная сухая (песчаная) земля', 'прибрежный сухой (незаливной) луг, сенокос'.

Если отказаться от выделения суффикса *-la* и членить слово на компоненты *юр-* и *-мала*, то вторая часть сложения сопоставляется с фин. *malo* 'край, сторона, бок; залив, берег', *rantamalo* 'небольшой морской залив', сев.-карел. *malo* 'низкая (вода)', эст. *mala* 'песчаный берег моря' < балт., ср. литов. *malá* 'земля; край', латыш. *mala* 'край; берег'[SSA 2,

¹¹ Kalima J. Über die Erforschung russischer Ortsnamen fremden Ursprung // Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1945. Helsinki, 1946. S. 129.

¹² Kalima J. Einige russische Ortsnamentypen // Finnisch-Ugrische Forschungen. Band XXVIII, 1–3. Helsinki, 1944. S. 108.

¹³ Попов А.И. Из истории финно-угорских народностей. Часть I: Дис. ... докт. ист. наук. Л., 1947. С. 293–294.

¹⁴ Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1970. С. 137.

144]. Особенно примечательны эстонские данные, семантически точно соответствующие холмогорским. Единственное отличие не существенно (в Эстонии – морской берег, на Русском Севере – речной). Таким образом, русское *Юрмала* действительно оказывается родственником латышского *Jūrmala* только не прямым, а дальним, поскольку русское слово явно заимствованно уже из какого-то финского языка.

Первую часть сложения, вслед за проницательным А.И. Поповым, действительно можно сопоставить с фин. *juuri*, ижор. *jūri* ‘корень, комель; основание’, карел. *juuri* ‘корень, комель; основание, низ; край’, люд. *dūr(i)*, вепс. *juř*, вод. *jūri*, эст. *juur* ‘корень’ [SSA 1, 253], но семантика сложения не связана с процессом корчевания. Реконструируемое **jūrmala* (**jurmala*) в языке-источнике означало ‘коренной берег’, ‘берег, который не заливается водой’, ‘сухой берег’, на Северной Двине также ‘песчаный берег’ и т.п. В рамки этих значений укладывается и семантика заимствованного русского диалектизма *юрмала* и семантическая реконструкция слова по данным памятников.

Казалось бы, есть все основания считать, что слово *юрмала* прибалтийско-финского происхождения и восходит к одному из древних до-русских наречий Двинской земли. Нельзя, однако, совсем исключить, что источником этого слова был какой-либо из древних севернофинских языков. Во всяком случае в мордовском языке слово *юр* имеет тоже самое значение ‘корень; основа’, а мордовское *малас* ‘близко, рядом’ под вопросом сопоставляется с финским *malo* ‘край, сторона, бок; залив, берег’ [SSA 2, 144], о котором уже шла речь. Кроме того, не все ясно и с колебанием *а/о* во втором слоге. В памятниках чаще находим *о* (*Юрмола*), в современных фиксациях – *а* (*Юрмала*). Разумеется, можно предположить, что *Юрмола* > *Юрмала* в процессе распространения аканья, а появление *о* в старых фиксациях связывать с известным соответствием прибалт.-фин. *а* ~ рус. *о*, но озадачивают и саамские параллели *muolōs*, *muolup* ‘полынья, образующаяся весной у берега озера’ и *muolōstit* ‘освободиться от льда (о берегах весной)’, которые под вопросом сравниваются с фин. *malo* [SSA 2, 144]. Наконец, необходимо считаться и с данными топонимии Примезенья, где фиксируются названия на *-молка*, *-молки*, ср.: в Мезенском районе поле *А́замолка* (*А́змолка*) на берегу *Азручъя* (*Азаручья*) в дер. *Азаполье*. В округе этой же деревни находятся поле *Ка́рмолки*, лес *Кузо́молки*, поле *Мо́стемолка* (*Мо́стимолки*) на берегу *Азручъя*, деревня *Па́щемолка*, поле *Чи́томолка* на берегу *Азручъя*. В Лешуконском районе отмечены поле *Ка́рмолки* и покос *Ма́тмолки* близ деревни Тиглява. За исключением вероятных метонимических образований *Кузо́молки* и *Па́щемолка*, топонимы с детерминантом *-молка*, *-молки* – прилагаются к полям и лугам, в ряде случаев определенно при-

брежным. Названия этого типа регулярно имеют *о* в детерминанте, а также свидетельствуют о возможности выпадения (или вставки) гласного перед ним, ср. *Азамолка* (*Азмолка*) и *Азручей* (*Азаручей*). Все эти факты в совокупности позволяют сделать вывод, что, установив первичную семантику топонима *Юрмала* и лежащего в его основе географического термина, мы, тем не менее, не можем уверенно возвести его к какому-либо определенному субстратному языку Русского Севера, хотя финское в широком смысле слова происхождение этой лексемы не подлежит сомнению.

2. *Чучепала* и *Чученога*

Древний этноним *чудь* до сих пор фиксируется на разных территориях и во многих ипостасях. На русском Севере он чаще всего встречается в форме *чудь* (иногда *чудьи люди*) как обозначение древнего народа, о котором рассказывают много легенд, но употребительны и формы *чучь*, *чушь*, засвидетельствованные в лексической картотеке Топонимической экспедиции Уральского университета. От этих форм образовано множество этнопонимов большей частью уже русского происхождения – болото *Чудское* (Шенк), село *Чушевицы* (В-Важ), урочище *Чучково* (К-Б), среди которых немало этноантропонимов. Все эти названия в той или иной степени обладают научной ценностью как этнические индикаторы. Однако особенно интересны те топонимы, в которых основы, выраженные этнонимами, сочетаются с нерусскими терминами-детерминантами, т.е. наименования субстратного происхождения, ср. поле *Чудьнема* (В-Т) или название реки *Чучега* (Шенк), где легко вычлениваются детерминанты *-нема* ‘мыс’ и *-ега* ‘река’. Топонимы такого рода прямо свидетельствуют о том, что древняя *чудь* предшествовала более позднему саамскому и прибалтийско-финскому населению или сосуществовала с ним, представляя собой особую этническую общность. Два обсуждаемых этнопонима с основой *чуч-* – *Чучепала* и *Чученога* – интересны как в этом, так и в других отношениях.

Деревня *Чучепала* расположена у верхнего конца обширной излучины Мезени близ устья ее крупного правого притока Кымы. Стратегически Чучепальская излучина (по-местному *Чучепальский мег*) была очень важна, тем более что здесь реку перегораживал *Чучепальский порог*, а над ее долиной господствовали *Чучепальские горы*. Первожители – *чудьи люди* (*чучи*) – выбирали удобные места. Поэтому и другие финские племена подселялись к чудским поселкам. Это же делали и русские, осваивая северные земли. По преданию, именно здесь была и «столица» чудского народа. Легенда повествует о сражении русских с чудью на берегах Мезени и о том, что здесь «чудь пала». Может быть, и было какое-то военное столкновение, но сама легенда безусловно извлечена

по классической народной этимологии из усвоенного русскими субстратного топонима. Между тем с лингвистической точки зрения ойконим *Чучепала* объясняется достаточно хорошо. Его корни в языке древних саамов, у которых с чуждью были далеко не мирные отношения, ср. прасаам. **čudē*, саам. норв. *čutte*, Инари *čude*, Колтта *čui'dd'*, Кильдин *ču'dd'* 'враг', 'неприятель'¹⁵ и прасаам. **pelē*, саам. норв. *bælle*, Инари *peeli*, Колтта *piä'll*, Кильдин *pie'll* 'сторона', 'половина'¹⁶. Названия с детерминантом *-пала*, *-пола* широко распространены на Мезени и Пинеге¹⁷. Поэтому интерпретация мезенского ойконима *Чучепала* как «Чудская сторона (половина, место, поселение)» вполне приемлема.

Загадочнее название пинежской деревни *Чучепога*, хотя его толкование не вызывает трудностей. Детерминант *-пога* изредка встречается в топонимии Русского Севера и Карелии наряду с топонимизированным географическим термином *Пога*¹⁸. Они восходят к фин., карел. *pohja*, ливв. *pohji*, люд. *pohd'*, *pohj*, вепс. *pohd'*, *pohj*, *pohg'* 'основание, дно; крайняя часть, конец' [SKES, 587–588]. Таким образом, *Чучепога* – гетерогенный топоним: основа – саамская, детерминант – прибалтийско-финский. Есть исторические свидетельства, которые позволяют в какой-то мере раскрыть механизм образования этого разноприродного сложения, объясняемого в целом как «Чудской конец», что соответствует действительности, поскольку и в наши дни деревня *Чучепога* считается частью (околотком) села Валдокурье, его южным концом. В топонимии Русского Севера и Волго-Окского междуречья встречаются русские аналоги этого названия – *Чудской Конец*, *Чухчин Конец* и т.п. Однако в памятниках XVII в., где часто упоминаются населенные пункты Пенежской (Пинежской) волости название *Чучепога* отсутствует. Зато в источниках, относящихся к Двинскому уезду неоднократно фиксируются различные варианты ойконима *Чучепала*, ср.: деревня *Чучепальская* (1612 г.)¹⁹, *Чучепальская деревня* (1641 г.)²⁰, *Чучепальские деревни* Валдокурского погоста (1646 г.)²¹, *Чучепальская деревня* (1651 г.)²², деревня *Чючюбала* Пенежской волости (1678 г.)²³. Нет никаких сомнений в том,

¹⁵ См.: *Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto* // MSFOu. 200. Helsinki, 1989. S 28–29.

¹⁶ См.: Там же. С. 100–101.

¹⁷ См.: *Мамеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001. С. 206–207.

¹⁸ См.: Там же. С. 242 – 243.

¹⁹ См.: Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. 1. Пг, 1922. Стлб. 444.

²⁰ См.: Там же. Стлб. 785.

²¹ См.: Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. 1. Стлб. 812, 813.

²² См.: Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. 2. Л., 1929. Стлб. 10.

²³ См.: Переписные книги 1676–1682 гг. // Летопись занятий Археографической Комиссии. Вып. 8. СПб., 1988. С. 50.

что это пинежское название аналогично мезенскому. Более того, Топономическая экспедиция Уральского университета зафиксировала факт употребления топонима *Чучепала* вместо *Чучепога* и что еще показательнее название пожни *Чучепальские Носки* (носок – ‘мысок’) рядом с деревней *Чучепога*, причем местные жители уверяют, что наименование этого луга дано по названию деревни *Чучепога*.

Конечно, можно допустить, что изначально существовали два параллельных названия, которые могли относиться к двум смежным объектам – саамское (*Чучепала*) и саамско-прибалтийско-финское (*Чучепога*), но затем стало функционировать только одно из них – *Чучепога*. Однако оба названия могли прилагаться и к одному объекту, а так как *Чучепога*, насколько удалось установить, в ранних документах не употреблялось, в этом случае можно думать не о параллельных наименованиях, а об эволюции одного имени, т.е. о преобразовании *Чучепала* в *Чучепога*. Это могло произойти позднее XVII в. в местной прибалтийско-финской (карельской) среде, поскольку компонент *-пала* был непонятен, а слово *чучь* ‘чудь’ было в ходу как у местного финского, так и русского населения. Употребление *-пога* в смысле ‘конец’ оправдано и географически (см. выше). Все это в какой-то мере указывает на довольно позднее обрусение местных карел (XVII–XVIII вв.?).

В заключение заметим, что в переписных книгах 1676–1682 гг. рядом с деревней *Чючюбала* упоминается деревня *Сетальская*²⁴. Это позволило, сопоставив мар. *чүчү* ‘дядя’ и фин. *setä* ‘дядя’, допустить, что приведенные смежные ойконимы объединяются метонимической связью и что в основе прибалтийско-финского по происхождению наименования *Сетальская* (< **Setälä* < *setä* + локативный суффикс *-lä*) лежит название «марийского» типа²⁵. Сравнительный анализ топонимов с основой *чуч-* показывает, что могут быть и другие решения.

О.А. Теуш

К этимологии рус. диал. *сузём*²⁶

Географический термин *сузём* (уменьш. *сузёмок*) в качестве обозначения леса или участка леса зафиксирован в большинстве регионов Европейского Севера России. В олонецких говорах (современная Карелия) это слово обозначает ‘глухой сплошной лес, где можно пройти пешком,

²⁴ См.: Переписные книги 1676–1682 гг. С. 50.

²⁵ См.: Матвеев А.К. Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // *Вопр. языкознания*. 1995. №2. С.38.

²⁶ Статья подготовлена при поддержке Минобразования России (грант PD02–3.17–5).